

Станислав Янчишин

Камушки

16+

Станислав Янчишин

Камушки

«ЛитРес: Самиздат»

2019

Янчишин С. А.

Камушки / С. А. Янчишин — «ЛитРес: Самиздат», 2019

Это сборник фантастических рассказов написанных в разные годы в разном настроении. Здесь и НФ, и фэнтези, альтернативная история и мистика, лирика и юмор. Некоторые уже опубликованы на бумаге, а другие лишь в электронном виде. Но все они (автор в этом убеждён) найдут своего читателя!

© Янчишин С. А., 2019

© ЛитРес: Самиздат, 2019

КРАСТЬ ГРЕШНО

Полыхнуло и свет, яркий, в десятки солнц, залил вестибюль гостиницы. КРИК УЖАСА повис в стремительно накаляющемся воздухе, пронзенном жесткой радиацией. Кто-то схватился за ослепшие глаза, кто-то упал – технично, по-солдатски. Живым факелом рухнула на дымящийся асфальт птица. Спустя несколько мгновений, огромные окна хлынули внутрь тысячами осколков, калеча людей. Волна плотного, "сгущенного" ветра ударила по ушам.

– Козлы! Ворюги! – донеслись из-за наклонившейся стойки какие-то нелепые слова. А над городом уже вставал гриб – фантазмагория ядерного века – свершилось!

Страх, боль, растерянность, отчаянье, гнев... множество эмоций, сплетаясь в апокалиптическом пламени, корежили людские души. Свершилось. Что это? Неужели – война? Та самая, которой пугали долгие десятилетия, та, чей призрак, кажется, уже начинал отходить в прошлое?! Неужто, тысячи ракет сейчас несутся над океанами, стремясь наполнить смертью наш маленький, хрупкий шарик?!!

А может, это террористы? О подобной опасности говорили давно, да и возможностей у всяких ладенов-шмаденов, все больше. Может, именно этот город принял на себя первый удар новой эпохи?

– Ворю-ю-юги! Сволочи! – странный постоялец, похоже, спятил, ибо слова его, никак не вязались с творившимся вокруг.

– Товарищи! – зычно воззвал, выбираясь из под каких-то обломков, пожилой швейцар, явно бывший отставник. – Здесь имеется убежище! Организованно... Ну, ты, придурок (это – орущему от страха негру), тихо!.. Организованно проследуем!

Гриб медленно поднимался вверх, причудливо извиваясь в отравленной атмосфере. Если бы не кровь и смерть повсюду, его можно было бы счесть красивым.

Уже через несколько минут, около сотни жильцов отеля, посетителей ресторана и случайных прохожих были водворены в грязный заброшенный подвал, когда-то гордо именовавшийся убежищем. И бритолобые "секьюрити" и старший администратор, безоговорочно приняли и молчаливо признали старшинство швейцара, отдававшего четкие, по-военному короткие (с легким матерком), команды. Мужик этот, явно был в своей тарелке!

– Ворюги, сплошь одни ворюги!.. Сэкономить хотел... – ныл небритый турист, – четвертая кража за неделю! Не успел приземлиться...

В уголке патетично выводили псалмы три ошалевшие миссионерки, крутобокий дядька в дорогом костюме, что-то невнятно бормотал, глядя в извлеченную из портмоне иконку, успокоенный оплеухой негр молча раскачивался из стороны в сторону, швейцар отдавал распоряжения. "Жизнь" налаживалась!

– Ворюги, какие ж ворюги кругом! – продолжал охать "небритый". – Я ведь только сорок минут, как с вокзала...

– Повезло тебе, мужик! – заметил сидевший рядом командировочный. – Где-то там и рвануло.

– Повезло? Мне повезло?! Этому городишке не повезло, ворюги чертовы! Ты хоть представляешь, сколько я бабок потерял? Повезло... сэкономить решил, мол здесь они самые дешевые...

– Брось расстраиваться! – сосед хлопнул его по плечу. – Жив остался, значит, уже выиграл.

– Выиграл? Четвертая кража за неделю! Ворюги... Как вы все тут живете? Кошелек, перстень, сумка, теперь еще и чемодан!

– О чемодане горевать в такой момент? Чудак-человек!

– Так я ж ее специально, на неизвлекаемость установил! И надпись предостерегающую сделал – куда там! Глаза завидующие, руки загребушие – так и тянутся, так и тибрят все, что плохо лежит... Дотибрились! – "небритый" развел руками, – нравится?!

– Погоди, – лицо собеседника вытянулось в недоумении, – ты это о чем?

– О багаже своем! О том, что из этого вышло! Дурень я, ох и дурень! Самые дешевые в окрестностях... Ну, я этим консультантам одноглазым, если встречу!.. Предупреждать надо... Ворюги на этой планете живут! Дармоеды... Сорок минут как с вокзала...

– На этой... и твой багаж...

– Ну, да! Или ты, абориген, хочешь сказать, что у вас, ежедневно, в камеры хранения сдают чемоданы с атомными бомбами?! Ворюги...

ЖЕРТВЫ НАУЧНОЙ ФАНТАСТИКИ

– И все таки, Вы не могли бы членораздельно объяснить – куда девались кислородные баллоны с площадки третьего этажа, а так же многое другое? – маленькие черные глазки доцента едко смотрели на Новикова.

– Объяснить?.. – Сергей попытался придать лицу умное выражение, каждым мускулом чувствуя, как оно ему не идет. Увы, к этому все и шло – его ведь торпедировали на каждой сессии!

Конечно, можно было плюнуть на все, уехать домой, пойти к сестренке на фирму, спокойно пить водку... Но, после стольких лет боев и походов сдаваться?! Нет, отступить совсем не хотелось.

– Понимаете, Александр Мамедович..., дело в том, что... – Серега явно тянул время, пытаясь измыслить хоть что-нибудь путное. – Все не так просто!

Гиреев довольно откинулся на спинку стула. Весь вид доцента говорил о том, что он ожидал подобного ответа. Тут же в бой решительно бросилась Любовь Васильевна, комендант студенческого общежития.

– Новиков! – в голосе тощей комендантши гремел металл, – прекрати эту болтовню, ты мне уже шестой год кровь портишь! Своими пьянками-гулянками общежитие терроризируешь, плиту, скажешь, не ты взорвал? А это... – комендантша от гнева путалась в словах и знаках препинания, – блочная дверь исчезла, штанга, две гири из спортзала, а теперь, теперь...

– Ну, что Вы, Любовь Васильевна, при чем же здесь я?! – Вид у Сереги был, как у Блаженного Августина, пойманного за игрой в рулетку.

Раздался мелодичный перезвон. Большие каминные часы работы 19-го века – бывшая собственность помещика Василия Попова, а ныне – гордость Деканата, отметили время – 11:45.

– Новиков! – вновь послышался вкрадчивый голос Гиреева, – все здесь присутствующие имели за эти годы достаточно возможностей, для знакомства с Вашим красноречием. Итак, у Вас – пятнадцать минут, чтобы изложить свою версию случившегося. И постарайтесь, чтобы она выглядела правдоподобно. В противном случае, у нас на одного Новикова станет меньше... пятнадцать минут...

Ситуация складывалась отчаянная, но Сергей хорошо помнил, что впечатление на людей производит не правда, а искренность. Быть искренним, даже зная, что несешь полнейшую белиберду! Эх, была – не – была!

Теперь лицо Новикова выражало готовность сознаться в страшных прегрешениях, а голос приобрел трагические нотки закоренелого щипача, явившегося в ДОПР, чтобы, искупив вину, идти к новой жизни.

– Видите ли... – он тяжело вздохнул и, опуская голову, быстро скользнул взглядом по сидящим в кабинете: отступить было поздно! – видите ли, в природе существует еще много

непознанного и неразгаданного. Люди уже не раз подвергали осмеянию тех подвижников науки, что открывали новые горизонты познания. Вас это удивит, но я знаю, на что иду! (театральный вздох, затем, голова гордо вскидывается вверх) Вы вынудили меня преждевременно признаться во всем!... Да, все это сделал я, и сделал в интересах чистой науки!!! (Боже, что я несу?)

Реакция присутствующих не нуждалась в комментариях. Секретарша Юлечка смотрела на Серегу с жалостью – так смотрят на полных идиотов. Любовь Васильевна тарасила глаза, поражаясь невероятной наглости допрашиваемого, даже голосовые связки парализовало от удивления. Гиреев же, напротив, хитро шурился, поглаживая бородку, а губы его все больше и больше расплывались в довольной улыбке. Еще бы: глупая рыбина не только сама лезла в сеть, но и расставляла пошире плавники, стараясь (видно, из любезности) как можно более тщательно запутаться в ячейках!

Серега впал в какой-то самоубийственный азарт. Понимая, что останавливаться нельзя, он говорил, говорил, говорил... О тонких материях, иных измерениях, телепортации. На свет божий выплыло читаное где-то словечко: трансгрессия. Далее последовала череда недооцененных современниками талантов: да Винчи, Архимед, Спиноза, Лобачевский, Гумилев, Коперник, Ван-Гог (Господи, Ван-Гог – то здесь причем?! – стонала в ужасе какая-то извилина серегиного мозга), Ломоносов,.. э-э...

– Галилей... – масляным голосом подсказал Гиреев, – он был на вершине блаженства. А как же – вот он, шанс окончательно потопить непотопляемого Новикова!

– Спасибо, Александр Мамедович, очень дельное замечание!

– Продолжайте... – Гиреев уже даже не говорил, а почти восхищенно нашептывал.

– Да...э...так вот...перейдем к сути вопроса...

– Пора бы!

– Итак, все те предметы, о которых говорилось, были перенесены из нашего – трехмерного мира в мир виртуальный, причем исключительно в научных целях. Ведь еще в двадцатые годы великий Фридман обосновал...

– Прекрасно! Гениально! – голос Гиреева звучал все еще ласково, но каждое слово резало как ятаган, – у Вас есть уникальный шанс завоевать пылких сторонников Вашей теории.

За оставшиеся четыре минуты отправьте в это виртуальное измерение какой-нибудь материальный предмет. Ну, хоть бы, наши знаменитые часы. Разумеется, в случае удачи все обвинения будут с Вас сняты. Так что, действуйте, Мерлин Вы наш!

– Часы?! – Серега всем своим видом уже напоминал буйно помешанного. Вообще-то, ему только и оставалось, как косить на психа (как возможный вариант – забиться на полу в припадке и пустить изо рта пену).

Маленький позолоченный купидончик, целился в Сергея, как полтора года назад в страдавшего манией величия, генерал-майора Попова. Секунды стремительно улетали, а несчастный дебошир и гроза четвертого общежития, яростно толковывал своим инквизиторам, что дело не в конкретных часах и не в предметах вообще, а в искривлении темпорального потока, напряженности магнитного поля и лично его, экспериментатора, тяжелом состоянии в данный момент. В воздухе пахло отчислением и чем-то еще. Призрак родной Ивановки явственно вставал на горизонте, чудились изошренные проклятья матери и злые подначки сестры. Серега уже почти не контролировал себя, его язык, в исступлении, все наращивал и наращивал обороты...

Звонок с пары все оборвал, обдал холодным душем. Звонок на 12-05...

Гиреев победоносно вскинул левую руку, дабы сверить часы и вынести заключительный вердикт.

Странно! На нем же точно были его Командирские с авто-подзаводом. Странно. И тут...

Этого нельзя было не заметить или, тем более, не услышать! Медленно, как в кино, Гиреев повернул голову влево, туда, откуда еще пять минут назад должен был раздаваться характерный полуденный бой часов. Двенадцать ударов!

В следующие несколько секунд лицо доцента вытягивалось (казалось, оно стремится перещегоолять типажи Дон Кихота или Дзержинского). Боя часов не было, как не было и самих часов! Массивных, с золочеными стрелками, купидонами и нимфами, подаренных когда-то генералу Попову в день его тезоименитства благодарными тифлисскими армянами. Не-е-е-б-ы-л-о-о-о!!! Как не было Командирских самого Александра Мамедовича, электрического будильника на столе у обалдевшей секретарши и аляповатого настенного блина в кабинете декана.

О! Где ты, Гоголь, способный описать эту немую сцену?! Какая там бабушка! Какой Юрьев день! Примерно через полминуты смысл произошедшего дошел и до всех остальных. Комендантша, в силу своей необразованности, лишь мелко крестилась и что-то бормотала, а секретарша Юлечка, сочла за лучшее просто хлопнуться в обморок. На Гиреева же, смотреть не только страшно, но и, пожалуй, вредно для здоровья.

Сереге, после перенесенного, соображал очень туго. Единственное, что он понимал, глядя на лица этих людей: из Университета его вышибать уже никто не собирается. Твердо усвоенное с детства правило: куй железо, пока горячо сработало, заставив язык произнести:

– Так я все понятно разъяснил? – молчание и утвердительные, весьма энергичные, кивки. – И я теперь могу быть свободен?

– И-идите, Сергей, ко-конечно... – Александр Мамедович смотрел на него взглядом законченного атеиста, которому явился шестикрылый серафим и вручил повестку в районное отделение Святейшей Инквизиции (ля-ля-ля-ля-ля, я сошел с ума, какая досада!).

И лишь когда Новиков был у самой двери, Гиреев, собрав всю свою недюжинную волю в кулак, окликнул его извиняющимся тоном:

– Сергей Анатольевич, простите, но где же все-таки часы?

Сереге медленно повернулся и уже с порога, удивленным, полным самой искренней невинности голосом, переспросил:

– Часы? Какие часы?

КАМУШКИ

– А вот, полюбуйтесь-ка, Сенатор, еще на одного прелюбопытнейшего пациента... – голос главного врача звучал уже чуть устало, но все еще подобострастно. Не каждый день приходилось принимать столь высокую комиссию (черт бы побрал на том свете этого главара братков, вздумавшего очокуриться именно в их больнице!). И вот теперь он – светило психиатрии, профессор, лауреат и прочая, должен развлекать этих болванов, во главе с известным народным избранником, историями из жизни умалишенных.

– Ну, и чем же он так любопытен? – начальственно-снисходительным голосом осведомился Сенатор. Ему давно уже было ясно, что доктор тянет время и пытается отвлечь внимание. Уж он-то, старый политический волк, на метр в глубину видел все жалкие уловки этого дилетанта. Сенатор мимоходом прикидывал, какой удар можно будет, в связи с творящимся беспорядком, нанести своему врагу – министру здравоохранения.

– Представляете, господа, – судя по голосу, врач пытался настроить комиссию на юмористический лад, – этот субъект долгие годы провел в Южной Африке, искал там сокровища какого-то туземного короля...

– Так что же? – Сенатор прервал изливания доктора, который все больше напоминал ему неудачливого провинциального комика. – Одних в Африку тянет, других, похоже... – он многозначительно посмотрел на главврача, – в Сибирь!

Стало заметно, как побелели здоровенные санитары, но профессор переборол нахлынувшую слабость и, собрав в кулак остатки своих "тантов", бросился в контратаку.

– Но самое главное – он утверждает, что нашел их! – поймав на себе заинтересованный взгляд "самого", ободренный доктор продолжал. – Но! Вы не поверите, – последовала драматическая пауза, – этот пациент уверен, что алмазы находятся сейчас при нем! Вон они лежат перед ним на кровати!

Заинтригованные члены комиссии столпились у окошка, разглядывая диковинного психа и его сокровище, заключавшееся в кучке самой обычной гальки. Больной спокойно лежал, перебирая камни рукой.

– Богатый мужик, – усмехнулся один из проверяющих, – камушки килограмма на два тянут!

Комиссия развеселилась, а ободренный доктор рассказал, как яростно дрался этот душевнобольной за свой хлам, как пришлось оставить "сокровища" в покое. Про то, как подбросили ему один лишний, а псих с негодованием выкинул его.

– Ах, если б вы видели его возмущенную физиономию! Какое презрение было на ней написано, будто это мы идиоты! – развлекал гостей доктор. Немного посмеявшись, комиссия отправилась дальше. И только Сенатора охватило какое-то смутное беспокойство. Он постоял возле палаты с "алмазным королем", вслушиваясь в свои ощущения. Что, что здесь было не так? Сенатор резко обернулся к двери.

Там, перед странным пациентом, лежала солидная кучка... алмазов!!! Настоящих, крупных африканских АЛМАЗОВ! Невероятное, но не оставляющее сомнений в своей реальности зрелище. Как? Как удалось этому человеку спрятать, утаить от всего мира свое состояние, в то же время держа его на виду у всех???

Сенатор не мог оторваться от фантастических камней. Внезапно он увидел глаза кладоискателя – сперва удивленные, а затем – озлобленные. Это были глаза человека, который понял, что в его величайшую тайну проник чужак. Некоторое время они поедали друг друга взглядами, и вдруг все изменилось. Черты лица "психа" разгладились. Он хитровато ухмыльнулся и ласково, почти с жалостью глядя на Сенатора, покрутил пальцем у виска...

НЕ БОЙСЯ!

Никто их не ждал. Но они пришли! Пришли внезапно. Пришли ниоткуда. Жестокие, могучие, неуязвимые демоны. Они брали у людей всё, а непокорных, усомнившихся в их силе, убивали. Демоны разили огнём, дымом и громом, казалось, нет силы, что сможет их остановить.

Внешне демоны напоминали людей, но тела их покрывала странная одежда, кожа была подобна камню – её не брали ни копьё, ни стрела. Прислуживали им младшие демоны, различные по своему подобию. Одни носили старших по небу, другие – по суше, наполняя округу смрадом и грохотом. Были у них звери, рывшие землю или способные в один миг сломать самое толстое дерево. Чудовищам подчинялись невиданные силы, взметавшие к облакам огромные скалы.

Сперва люди старались задобрить непонятных пришельцев, принося им в дар лучшее мясо и рыбу, шкуры и меха. Но демоны, почуяв добычу, становились всё более жадными, требовали больше, больше, больше... Поначалу они призвали много сильных мужчин и дали им тяжёлую бессмысленную работу. Люди изнемогали, валя лес, перетаскивая камни, копая ямы. Несогласных избивали, а вскоре стали убивать, тех же, кто перед ними заискивал, угощали диковинными кушаньями и дурманящей водой.

Вскоре демонам захотелось самых красивых девушек и жён. Такого в роду Сайгака еще не бывало. Покориться означало бы не только опозорить себя, но и нарушить все людские

законы, подвергнуть человечество опасности появления невиданных чудовищных ублюдков. Все родовые обычаи издавна запрещали людям скрещиваться с не людьми.

Вожди Сайгаков отказали, и демоны, рассвирепев, пришли в поселок, разорили его, убивая всех, кто попадался под руку. Род Сайгака погиб, лишь немногие уцелевшие донесли грозную весть до слуха соседей. Возроптали окрестные роды, но слишком уж далёкой казалась беда. Каждому шептал его второй голос: "Может, Сайгаки сами виноваты – чем-то оскорбили могучих демонов, успокойся, это же не твою жену или сестру взяли демоны на забаву, не твоих родичей убили...".

Но беда пришла и к тем, кто так думал.

"Только бы не нашли, только бы не поняли! Нет, не должны... Куда бежать, сколько бежать? Кто же мог подумать? Куда они пойдут теперь? О-о-о! Что же мне теперь делать-то?! Ну, что, что, что, что, что....."

Теперь демоны явились к вождям Бобров и угостили тех сладкой водой, что дурманила разум, принесли удивительные подарки. Через неделю род Бобра превратился в рабов. Мужчины умирали от непосильного труда и от колдовства, навешанного демонами. Те, кто работал в большом доме, где крепчайший камень от нестерпимого жара становился мягким, заболели странной болезнью. У них выпадали волосы, тело покрывалось язвами. Упивавшихся гнали на работу силой. Вскоре у мужчин уже не было ни сил, ни желания беспокоиться о судьбе своих жен и детей. Редкие беглецы рассказывали ужасные вещи о том, как чудовища расправляются с непокорными: жгут огнем, что нельзя погасить водой, бьют молниями, опаивают соком, от которого человек становится тупым и покорным...

А потом в округе стали пропадать девушки...

Однажды на рассвете в поселок рода Волка прибежала дочь одного из старейшин, исчезнувшая накануне. Истерзанная, с безумным огнём в очах, она поведала Матерям о тех ужасах, которые демоны творили с ней и другими человеческими женщинами. До вечера слушали Матери в отдалённой хижине ее рассказы, совещались. А после они сказали своё твёрдое слово: "Такого терпеть нельзя!" И Камень, самый искусный воин рода, прокричал боевой клич и зажгёт сердца Волков гневной речью, и побежали к соседям гонцы с вестью.

Собравшиеся на Великий Совет вожди и старейшины постановили – война!

Более тысячи храбрых воинов сошлись вместе, зажгли боевые костры и произнесли страшную клятву. Подобно стремительным оленям обрушились храбрецы перед рассветом на стан врага. Но осветили их лучи холодного света, и изрыгнули демоны огонь...

– Да не трать, ты, Лысый, патроны зря...

– А тебя это сильно колбасит?! – Лысый снова тянется к бутылке. Он уже и на ногах с трудом стоит.

– Студент правильно говорит, – подает голос Чича, здоровенный детина в камуфляже, – патроны экономь, а падаль эту древнюю нужно добывать вот так... – он подходит к скорчившемуся от боли молодому воину. Живот у того разорван, а левая ступня держится лишь на сухожилии. – Ну что, гадина, совсем плохо? Щас подлечим, – мелькает штык-нож, слышится хрип, – всего делов-то, – жутковатый, всё-таки, тип этот Чича. Никто из пацанов ничего тол-

ком не знает о его прошлом, с Батей он почти накоротке, и всё же пашет как все, в караулы ходит. Но повадочки!..

– Правильно, Чича, резать! – Лысый хватает валяющееся рядом копьё и начинает, с остервенением всаживать его в распротёртые вокруг тела. – Суки! Падлы! Жеку замочили, козлы! Суки! Уроды! Всех, всех!.. – неловкое движение, и копьё ломается. Яростно матерясь, Лысый хватается автомат и выпускает остаток рожка в кусты. – Патроны жалеете? Да я б их...

– Лысый, чо ты, как баба, психуешь? Напилился уже, блин. А ну, вали в лагерь!

Лысый останавливается и вызывающе смотрит на Чичу.

– А ты мне кто, папа-мама?

– В лагерь... я сказал! – взгляд Чичи тяжёл, а слова – будто свинцовые гири. Через несколько секунд Лысый сдаётся и уходит, пиная по дороге, трупы дикарей.

– Опять нажрался, урод. Ща спать завалится, а мы работай! – это в разговор вступил, околачивавшийся неподалеку, Шуля, юркий, небольшого роста парень, с невероятно прыщавым лицом. Он уже притащил охапку каких-то бус и подвесок. – Жеку он пожалел, как же! Жека ему триста баксов остался должен, а Лысый – жмот, вот и кипешует.

Пацаны хохочут. Лысый им смешон (Кстати, никто толком не знает, почему его прозвали так. Совсем ведь не похож: на голове – неопрятный чёрный хаер, с претензией на какую-то моду. Последние недели Лысый совсем не в себе, то бренчит на гитаре, то часами может молча сидеть, подёргивая ногой, то, охваченный приступом ярости, начинает крушить всё вокруг. Правда, в драку не лезет – комплекция не та, постоянно пьян... или с похмелья. Невротик, в общем).

– Дурак, – веселится Чича, – в конечном раскладе триста зелёных – понт! А ты, Шуля, уже набрал чего-то?! – в его голосе слышен оттенок презрения.

– Да так, мелочевка... – Шуля жметя, он ведь и сам жмот порядочный.

– Ну, покажи, покажи.

Шуля резко свистит, и из кустов выскакивает абориген чудовищного вида – высокий, худющий, с длинными чёрными волосами. Лицо дикаря покрывает короткая густая щетина. Рот растянут в угодливой улыбке и потому заметно – верхнего левого клыка не хватает. Из одежды имеются лишь затасканные меховые штаны, такие же первобытные, как и он сам. В руках "чудовище" тащит объёмный рюкзачок – передвижную "казну" Шули. Дикаря зовут Дурень, и служит он в качестве посыльного при пацанах уже несколько дней.

– Короче, – важно поясняет Шуля, – здесь сердолики, хризопразы, янтарь. Жемчуг – так себе, яшма попадаетя.

– Драгоценные? – усмехается Чича, его толстые пальцы перебирают добычу.

– Нет, ты, Чича, не понимаешь, а я когда-то по этому делу учился. Даже за это дома можно неплохие бабки выручить, если по уму. Уже килограмм пять такого набрал. Вон, Студент тоже не теряется.

Студент и вправду не теряется. Он внимательно рассматривает наконечник сломанного Лысым копьё. – Во, козел, сломал! Сломал, блин. Хороший ведь был образец. – Он ворчит, пристально осматривая оружие убитых. Пацанам давно известно, что Студент собирает разную каменную лабудень. Внезапно он кидается к одному из тел.

– Что нашёл? Опять какая-нибудь первобытная по.....нь? – смеётся Чича.

– Да так, интересный образец, – у него всё образцы. Чича, усмехаясь, смотрит на дрожащие руки Студента и, пожав плечами, отворачивается. Хлопцы бредут дальше, но Шуля приотстает:

– Шо там, Санек?

– Вот, смотри, какая фигня. Собираешь, что за камень? – Студент показывает небольшой покрытый резьбой, искусно отполированный топорик.

– Нефрит?!

– Точно, – подтверждает счастливый добытчик, пряча находку под бронезилет – вождём, наверное, был – кивает он в сторону тела огромного крепкого мужчины, увешанного бусами из волчьих клыков, с проседью в бороде. Рука покойника продолжает крепко сжимать длинное копье, губы плотно сжаты. Если бы не страшная рана во лбу, могло бы показаться, что он сейчас вскочит и ринется на ненавистных врагов. Но нет, не вскочит.

– Слышь, Санёк, я давно поговорить хотел. У тебя ж там какие-то края есть, ну, насчёт вот этой археологии... Может, вместе толкать будем? И удобней и безопасней, а? – Студент оценивающе смотрит на Шулю. – Ладно, в лагере поговорим.

Слышен рёв моторов. Со стороны базы несутся два джипа.

– Братва, хорош развлекаться! Батян приказал съездить в поселок Тарпанов и навести шмон. Я огнемёт прихватил, повеселимся! А доходагами пусть "шакалы" занимаются, – кричит Гарик, крепко сбитый молодой человек в тельняшке, опоясанный, на манер киногероя, пулемётными лентами. "Братва" без возражений заскакивает в машины и уносится, а со стороны лагеря лёгкой трусцой приближаются несколько союзных дикарей. Помогают, прислуживают, подбирают то, чем побрезговали хозяева. Это – "шакалы".

...Страшна была битва. Как барсы атаковали воины, но демоны били их громом на расстоянии, с воем вонзали в ряды храбрецов злобных духов. Убийственные смерчи пронеслись по рядам людей. Тех, кому удавалось подойти ближе, чудовища поливали жидким огнем, но воины всё шли и шли вперёд. Тогда вождь демонов выдохнул удушающий дым. От него не было спасения. Страшное колдовство разъедало глаза, жгло глотки, не давая дышать. Дрогнули сердца у самых стойких, и люди побежали прочь, а демоны настигали их и разили, разили!

Очень немногим удалось выжить в то утро. В наказание за дерзость, вождь демонов, именуемый Батян, приказал уничтожить поселки Волка, Тарпана и Змея. Уцелевшие люди были схвачены и обращены в самое тяжчайшее рабство. Ужас сковал народы. Оставалось покориться неузвимым чудовищам, платить дань, давать работников, делать всё, что они прикажут. Ибо надежды не было.

И появились такие, что стали сами, по доброй воле, прислуживать жестоким демонам, получая подачки и объедки с их кровавого стола, "шакалы".

Жарко. Пацаны отдыхают под тенью огромного дуба, раскинувшего свои могучие ветви на самой окраине лагеря. Где-то надрывается Круг: "Владимирский Централ, ветер северный...". Чича уставился в потрепанный томик Шитова, Студент и Шуля перебирают свои находки, тихо переговариваясь. Лысый сидит чуть в сторонке, нервно подёргивая ногой и то и дело прикладываясь к пластиковой бутылке. В ней – то ли кола, разбавленная самогонном, то ли самогон, разбавленный колой, уже не понять. Автоматы свалены в сторонке – бояться-то нечего.

– Вот смотри, это – листовидный кремневый наконечник. Здесь таких много. А это – костяной. Ареал их распространения лежит восточнее. Такие стрелы обладают лучшими аэродинамическими свойствами, лучшей баллистикой, то есть – дальше летят, – Студент поясняет новому деловому партнеру тонкости "ремесла".

– Ага, короче, кремневых тут полно...

– Ясный красный! Сейчас же неолит. Это я потом объясню. Ты, я вижу, в камнях неплохо шарить, так что, ищи обсидиановые и нефритовые изделия. Они ценятся особенно высоко, хотя, бывает... вот, – из коробки появляется длинная и тонкая пластинка кремня. – Видишь,

какая искусная работа? Сделать такую труднее, чем выковать железный нож, к примеру. Глянь, какое острое лезвие получилось. Один неверный удар мастера – и всё, загублена вещь.

– Да заткнитесь вы, – орёт Лысый – задолбали своей археологией!

– Сам заткнись, – небрежно бросает Студент. Лысый, буквально, взрывается. Он подбегает, но не кидается на обидчика, который выше его на голову и шире в плечах, а начинает топтать его ценный товар, и тут же валится от резкого тычка.

– Ах ты, сука! – ревет Студент, сжимая кулаки. – Ты знаешь, на какие бабки сейчас попал?

– Кто сука?! – Лысый пытается встать, но вновь падает на траву, это в "беседу" вступил Чича. Лысый негодует: – Шо ты, Чича, за кого мазу тянешь? Шо это падлю на меня гонит? Слышал, он меня сукой назвал. Пацаны...

– Правильно назвал, – голос Чичи спокоен, но Лысый слишком хорошо его знает. – Ты нормальному пацану товар попортил, должен ответить.

– Да я отвечу, но он же меня сукой обозвал при пацанах! Слышь, ты, Студент, ты борзый, да? – Не совсем понятно, как Лысый собирается, если что, драться со Студентом, ведь его противник больше и сильнее. Похоже, вся эта выходка – просто истерика.

– Сиди спокойно, базарь тихо! Рабы рядом, – пацаны переглядываются. А ведь Чича прав. Это закон – не ссориться при дикарях, не устраивать разборки. Поддерживать авторитет надо не только оружием.

Но Лысый заводит себя всё больше и больше.

– Кого бояться, скотов этих, лохов этих первобытных? Я, что ли, их бояться должен, вот этих козлов?! – Бесится он. На беду, мимо, как раз проходит один из рабов, тащит какие-то бурдюки. Не помня себя, Лысый пинком опрокидывает его на землю и начинает молотить тяжелыми армейскими ботинками несчастного дикаря, вымещая свое раздражение. Он бьет так остервенело, что через минуту, всё уже кончено, тот лишь хрипит, но шуплый, брызжущий слюной, матерящийся "хозяин", продолжает избивать почти бездыханное тело.

Хлопок выстрела. Фонтанчик из пыли взметнулся у самых ботинок Лысого. Шагах в двадцати стоит сам Батян с пистолетом в руке. Шеф не очень любит стрельбу, видно на этот раз, Лысый его действительно "достал". Сам Батян выглядит колоритно: новенький американский камуфляж, ноги обуты в "казаки" на высоком каблуке, чтобы казаться выше, венчает композицию чудовищной афро-американской расцветки кепка какого-то клуба. И хотя пузатый Батян выглядит несколько комично, Лысому совсем не до смеха. Чича уже стоит у него за спиной, готовый выполнить любой приказ шефа, но Батя лишь подзывает буяна к себе.

– Что, гарсон, нервишки расшатались? – Лысый пару сезонов отработал официантом в Судаке и не любит, когда ему это напоминают. А Батян хорошо это знает.

– Да, понимаете, Михал Ильич...

– Ты, козёл, – Батян, словно приговор читает – только что угробил работника, здорового и сильного. Завтра он должен был отправиться на урановую...

– Да ну что Вы, Михал Ильич, ну, погорячился я. Бока запарол...

– Не перебивать!.. Так вот, этот дикарь должен был пахать на меня. И на всех пацанов. Понял? Ты его убил, а я – потерял бабло.

– Шеф, ну, чего там, зверьков этих жалеть... Зато остальные спокойней будут...

– Туго врубаешься? Я не о нём, я о своём убытке! Ты, сявка, меня прокидал, ты всю братву прокидал! – Лысый бледнеет, бормоча невнятные оправдания, а Батян продолжает: – Нервы, значит, расшатались. Подлечим. Отправим, наверно, вместо этого, тебя на уран. А? Поработаешь, успокоишься...

– Батян!.. Простите, Михал Ильич, простите... – на Лысого страшно смотреть, он пытается упасть на колени, но вездесущий Чича подхватывает штрафника за ворот рубашки.

– Чича, – шеф закуривает короткую толстую сигару, распространяющую фруктовый аромат, – ты парень авторитетный, побазарь с этим недоумком. Да приберите быстрее доходягу! Он, наверно, сдох, в такую жару быстро вонять начнёт.

– Сделаем, Батян! – Чича круто разворачивается на каблуках, волоча за собой Лысого. – Студент, обеспечь!

– Дурень! – На зов Студента прибегает один из аборигенов с красной повязкой на руке. Студент выдаёт несколько слов на местном наречии. Дикарь подобострастно склоняется, затем, свистом подозвав двоих рабов, даёт им указания. Труп уносят.

– Дурень? – удивляется Батян.

– Точно так, Михал Ильич, – смеётся Чича, – это Студент придумал. Клички для наших "шакалов". Дурень у них вроде бугра, наверно, потому, что самый высокий. Недели три, как у нас. Да Вы у самого Санька спросите.

– Студент, значит? Молодец. Ну-ка, иди сюда. Слышу, язык их хорошо выучил.

– Что Вы, Михаил Ильич, так, самое необходимое...

– Не скромничай. Для всего актива кликухи выдумал?

– Конечно! Вон тот, с плёткой – Дебил, а есть ещё Чухан, Урод, Чмо...

– Как ты сказал? – Батян хохочет, пацаны подхватывают. Кажется, эта затея понравилась шефу. – Слышь, отойдем-ка, – успокоившийся Батян берет Студента за локоть, и они медленно начинают удаляться. – Слыхал я, что у тебя, какая-то новая задумка есть.

– Совершенно верно, Михаил Ильич. Если бы была возможность перебросить оборудование в Южную Африку...

– При чём тут Южная Африка? – настораживается Батян.

– Алмазы! Понимаете? Богатейшие месторождения алмазов. А условия для разработки намного легче, чем, скажем, в Якутии.

– Так, стоп. Давай по порядку. Ты детали обдумывал? Прежде, чем мы наведаемся к этим неграм, там кто сейчас живет?

– Э-э... Согласно археологическим данным – бушменоидные племена.

– Бушменоидные, – усмехается Батян, – тебя с какого курса истфака вытурили?

– С третьего, – кривится Студент.

– Не беда, Саня. Тебя ведь Саней зовут? Так вот, думаю, хватит тебе в нарядах париться. Нужен мне консультант по всей этой древней хренотени...

Шеф со Студентом уже удалились, и ребята, внутренне расслабившись, вновь спокойно присаживаются на траву.

– Пошёл наш Студентик на повышение, – затравленно шипит Лысый.

– Ты вообще молчи, урод, – косится на него Чича. – Студент только что твою задницу из пекла вытащил. Радуйся, что у шефа настроение поднялось!

– Да-а, – вздыхает Шуля. – Батян всё-таки у нас башковитый! – вдохновенно, хотя и не к месту, произносит он.

– А то – подтверждает Чича. – Батян наш скоро круто поднимется. И мы вместе с ним, кто поумнее...

– Точно, я себе сразу "мерс" куплю, шестистыхатый...

– Мерс-шмерс, – передразнивает Чича, – мелко плаваешь, Шуля. Шире смотри. У нас целая планета в кармане. Батя дело конкретно поставил. Уже и жилка золотая, и плантари маковые, а главное... – он многозначительно понижает голос, – урановая руда! Ты хоть представляешь, сколько килограмм этого добра стоит?.. Тут империей пахнет.

Пацаны притихли и смотрят на Чичу, как ученики на восточного мудреца, ловя каждое его слово, а "сенсей" продолжает: – Я так мыслю, что мы здесь серьезно обосновались.

Завтра отправим первый груз. Наши закупят всё, что надо, подкрепление придёт, вот тогда и развернёмся!

– Нет, ну, Батян-то, в натуре, Аль-Капоне! – восхищённо шепчет Шуля.

– А как он этих физиков долбанных нашёл, – подключается Лысый. Он уже оклемался и спешит выказать лояльность. – Блин, жертвы демократии, недокормленные...

– Да, – подтверждает Чича, – с физиками, это он ловко, а то б их быстро перехватили, или государство захапало.

– Наше хапает, жди! Оно им лоховские зарплаты, и те – годами не выплачивало. Как у них ещё бошки работали, – Лысый достаёт сигареты и угощает пацанов. – Скорее уж, америкосы или японцы...

– Хм... Верно базаришь, Лысый. Не все ещё мозги пропил, молодец, – весело смеется Чича. – Эх, тут бы фазенду себе отгрохать... Места-то какие – шик! А рыбалка! А охота! А что, нормальный ход! Теперь тихо, с последнего кипеша уже месяц прошёл, а всё нормально.

– Классно мы их тогда сделали! – возбуждённо бьёт кулаком по земле Лысый. – А Батян-то, как только Жеку завалили, сразу приказал газ пустить, чтоб ни одна падла не ушла. И правильно! Мы же – бессмертные демоны, а Батян – царь демонов!

– А-ха-ха! Царь демонов... – дружно хохочут пацаны.

– Ну, нормально, – отдышавшись, резюмирует Чича, – значит, рабсила бесплатная, стройматериалы – тоже. Рабы на нас пахать будут, а "шакалы" – плетками махать. Будешь махать? – это уже сидящему невдалеке на корточках Дурню, – Будешь?!

Дурень угодливо улыбается, пытаясь распознать, что кроется за интонациями непонятного демонического языка. Он жалок: глаза бегают, спина верноподданно изогнута. "Шакалу" ничего не понятно и потому – страшно. Дикарь что-то бормочет, то и дело поправляя сползающую на локоть "шакалью" повязку.

– Эй ты, обезьяна, шо лыбишься? С тобой демоны говорят, – Лысому хочется получить разрядку, отомстить за недавно испытанное унижение – унизить того, кто несравненно слабее его. – Ну, ты, чучело, возьми "бум-бум"!

– Чо это ты придумал? – удивляется Чича.

– Тихо, не ломай прикола! Они же боятся автоматов. Особенно жахаются после того, как Гарик, на прошлой неделе два проводка подключил к "калашу" и заставил раба схватиться. Так паленым воняло! Теперь близко боятся подойти, колотятся.

– А-а-а, понятно. Слышь, Шуля, ты немного по-ихнему волокёшь – прикажи!

Шуля выкрикивает пару коротких, рубленых фраз, властно указывая на лежащие под кустом автоматы. Прямо, не мелкий, прыщавый, бандитишка, а олимпийский бог – уж такой он величественный! Дикарь, действительно, трясётся всем телом и начинает что-то умоляюще лепетать, но Шуля, ещё более грозным тоном, повторяет приказ. Дикарь медленно приближается к оружию, то и дело оглядываясь на Шулю. В глазах его ужас, они будто кричат: "За что?!!", но демон непреклонен.

– Гляди! Щас уссытся со страху, – обрадовано шепчет Лысый, Чичу сотрясает беззвучный хохот. Наконец, "шакал", решив, видно, скорее покончить с этим ужасом, быстро хватается за автомат.

– Бам! – дикаря всего передёргивает, а пацаны весело гогочут. – Глянь, живой! Молодец, Дурень, так служить!

Несчастный Дурень стоит на коленях, отрешённо глядя на автомат в своих руках, кажется, еще не понимая, жив он или уже мертв. Пальцы дрожат, медленно ощупывая металл. Щёлкает случайно задетый предохранитель, переведя оружие в режим автоматической стрельбы. От этого звука абориген вздрагивает, вновь начиная осмысленно воспринимать происходящее. Это вызывает новый приступ смеха (пацанам совершенно нечего бояться – отсоединенные магазины спокойно лежат в подсумках на травке). Постепенно и на лице Дурня

проступает улыбка. Еще бы – он жив, ничего плохого с ним не случилось и уже не случится. Ни за что не случится!

"Как же вы, гады, мне надоели!!!"

А дальше все просто.

Присоединить магазин, дослать патрон в патронник и глянуть последний раз в эти осточертевшие нелюдские рожи. Затем – очередь. Шуля падает, таки и не успев ничего понять, тупой и самодовольный. Валится ничком Чича, пытавшийся выхватить из кобуры "стечкин", а в глазах Лысого навсегда застывают страх и непонимание.

И никакой тревоги, ведь в лагере привыкли к выстрелам!

Ещё выстрел – в бредущего из-за кустов сонного Коляна. Его смерть видят рабы: демоны смертны. СМЕРТНЫ!

Очередь по вышке – и Гарик, утомлённый полуденным зноем, так и остается в своём кресле ("А нечего было пластины из броника вытаскивать! Жарко? Теперь тебе всегда будет жарко!"). Ножи, отличные стальные ножи – в руки рабам, нет, уже не рабам...

Демоны смертны. Одна граната – в люк БРДМа, другая – в окошко караульного домика. И очередями, очередями по обленившимся, забывшим опасение, изумленным негодяям. Демоны смертны. Вокруг кипит резня, восставших не остановить, ведь демоны смертны! Со стороны завода доносятся хлопки взрывов, горит вертолет, пылают какие-то бочки...

– Студент, у меня кончились патроны, – захлебывается Батян, – патронов дай!

– Я не взял... – лепечет "консультант по древней хренотени".

Нет патронов? Это хорошо. Толпа медленно обступает двух последних, еще живых, "демонов". Один миг – и их разорвут, но тут в центр выходит Дурень с автоматом на плече. Дикарь ступает спокойно, левой рукой деля знак не трогать окруженных. Его слушают, на него смотрят с обожанием. Дурень останавливается шагах в пяти от Бати и медленно направляет на "сладкую парочку" ствол.

– Санёк, – у Батяна подрагивают губы, рука всё ещё сжимает ненужный пистолет – перевод, только точнее, убедительней. Они нас ещё побаиваются. Я же – царь демонов!

Студент переводит. Не очень точно, но весьма красочно, наверно, он так не старался ни на одном экзамене. Предложения Батяна примитивны: царь демонов высоко ценит Дурня, погибших слуг не жаль. Дурень должен перейти на его сторону. Тогда мудрый Дурень получит много вкусного мяса,.. мягких шкур,.. красивых камней... женщин и пьяной воды. Дурень станет великим, он будет самым главным "шакалом"...

– Сам ты – "шакал"! – слышится ответ, и выстрел обрывает короткую никчемную жизнь красавчика Студента. Оставшийся совсем один Михал Ильич, вдруг, холодея всем телом, понимает, что слова эти сказаны были по-русски!..

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.